Евгения Хамуляк

Алла Амуон РА

16+

Евгения Хамуляк

Алла Амуон Ра

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хамуляк Е. И.

Алла Амуон Ра / Е. И. Хамуляк — «ЛитРес: Самиздат», 2017

А ведь были времена, когда каждый героем мог стать. И неважно, простой ли человек или царь. Ведь если отчизна в опасности, все, как один на службу встают, чтоб спасти дом, что русской землей зовется. Об этом героическая былица, где Павлине Куприяновне приходится покинуть семейный очаг, чтоб найти дух великого асура, который только один может помочь спасти от нашествия чужеродцев поганых. И пусть говорят, что проклятье нерушимо, герой упрямо идет вперед, верой и правдой, по совести свой долг исполняет. А там - будь что будет! И реки выйдут из берегов, и горы сдвинутся с места от такой веры.

© Хамуляк Е. И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Евгения Хамуляк
Алла Амуон Ра

Здравствуйте, добрые люди! Славы и почета! Здоровья и богатства! Сегодня расскажу вам одну былицу да про одну мудрую женщину, которая… – Ой! Знаете, да? Про Павлину Куприяновну? Вот так так!…

…которая поживала в одной деревеньке, не большой и не маленькой, под названием… – И про Вечканово слышали? Вот те раз!

Ну, хорошо! Жила-была-поживала в деревеньке Ивакино, куда переехала мудрая староста, обручась под руку крепкую и надежную доброго своего супруга Данила Александровича… Наслышаны, говорите? Что за диво! Ну, молодцы! Все знаете, все помните! Значит, не зря поучительные сказочки по миру ходят, из уст в уста передаются, улыбками лицо любознательное раскрашивают на радость друг другу и поколению подрастающему, на мудрых приключениях старосты жизнь познающему…

А хотите новую? Да не простую, а про настоящих богатырей русских, кому суждено Землю-матушку спасти от коварства нечеловеческого?

Ну, тогда берите подушки-сеновалки, яблочко наливное иль грушу спелую вприкуску, укладывайтесь поудобнее и слушайте меня внимательно…

Однажды в час обеденный, размеренный и расслабленный, Павлина Куприяновна стол накрывала для обеда знатного, приготовленного с трепетом и обавью для мужа своего прелюбимого Тихомирова Данила Александровича, разомлевшего после работы праведной по восстановлению деревни своей родной Ивакино и блаженствующего от вида и заботливых хлопот ненаглядной женушки обожаемой, с которой вот уж год как душа в душу жил и радовался счастью заслуженному…

Как вдруг в дверь отчаянно стукнули, разбивая миропорядок и блаженство семейное. И ворвались двое мужчин разного вида с лицами хмурыми, серыми, обеспокоенными.

– Здесь ли проживает староста мудрая? – спросил один.

– Это ли дом Павлины Куприяновны? – спрашивал другой.

Глянула хозяйка на незваных гостей и оторопела, ложки деревянные расписные на пол роняя, будто привидение старое завидев. Да и Данил Александрович рот приоткрыл от неожиданности.

А ведь и вправду видок у гостей был престранный: один – так еще ничего себе, мужик как мужик, в вышиванке светлой прекрасивой – сразу видно большой человек, староста или большак семейства какого, да только весь взъерошенный, лицом бледный, глаза на мокром месте. Что же мужа уважаемого напугать так могло?

А второй – батюшки светы, смотреть страшно: длинный, белесый, с глазами прозрачными, на башке колпак высокий, острием по потолку скрябает, в балахоне длинном, по полу покрова волочает. Ну, точно иль колдун черный, или того похуже – посланник дьявольских сил! Не жди добра ни от того, ни от другого…

Ворвались и друг на друга глазами стрельнули: кто первый речь держать станет?

У белесого вид пострашнее имелся, мужик в вышиванке тоже оторопел и стал подальше отодвигаться. Потому начал в колпаке:

– Славы и почета! – сглотнул, дыхание восстанавливая. – Простите торопливость неуважительную, волнение вскидчивое, что без предупреждения в дом к вам жалую. Однако ж дело, с каким прибыл, не терпит промедления. Нет времени на церемонности… Не взыщите, – и к словам поклон от души в пол присовокупил.

«Хоть и странный, а воспитанный», – подумалось всем присутствующим.

– Можно ли наедине с уважаемой старостой переговорить? Дело наиважнейшее, вселенского масштаба, требует секретности.

Хотел было мужик в вышиванке что-то сказать да Данил Александрович было ответить, что давно в этом доме старосты нет, да только взглянули оба на Павлину Куприяновну и ахнули разом, святым знаменем себя осеняя. Побледнела женщина, будто кровь от тела отлила, глаза засветились неясным мерцанием, а вокруг головы венец переливами золотыми заярчал. Диво дивное! Чародейство неведомое! И попятились оба из избы, понимая без слов, что творится нечто несусветное, для человеческих глаз недосягаемое, для ушей – недоступное.

– Мира вашему дому, Павлина Куприяновна.

– И ты живи в благости, Радагость, – склонила голову женщина. – Сто лет в обед как не виделись, и хоть рада зреть тебя, да боюсь спросить – зачем пожаловал. Не каждый день на крыльце своем ангела встретишь.

Белесый человек улыбнулся слегка, плечами балахон с плащом стряхнул, а оттуда, о чудеса, вместо рук крылья белоснежные, будто лебединый пух, выпорхнули:

– Беда, Павлинушка… Напасть, которую семь веков не ждали, думали, сгинула начисто, – возвращается…

Павлина Куприяновна рот рукой прикрыла от ужаса.

– Ведь уж и забыли про страсти прошлые, зажили жизнью человеческой. Да, рановато, видимо… Спасибо пращурам наимудрейшим, чудодеям великим, звездочетам магическим, кто око свое не сводил с небосвода ни секундочки, зная, что ухо востро держать надобно, узрели беду. Не верило общество поначалу, что после мытарств и проигрыша преогромного восстановится нечисть проклятая и опять захочет вернуться на Землю Русскую, снова тараном ее брать вознамерится, нарываясь на силу нашу славную. Да память истощается и у супостатов, верно. Мало монстрам выдали в запрошлый раз, опять хотят кровушки русской испить. Возвращается иго… – понизил голос полный суровости странный гость.

– Кажи мне, друг добрый, как все было… – голосом глухим молвила Павлина Куприяновна.

Крылья ангельские в сторону развелись, освещая своим великолепием светелку деревенскую, и будто пропало все вокруг от такого лучезария. Через пространство и время, сквозь туман и звезды узрела Павлина Куприяновна просторы Земли Русской до самых до пределов вселенских, что с чернотою граничила, там, где нога человеческая не ступала, а лишь пращуры титанические на своих плечах могучих весь свет до сих пор держат. И углядела, как невзирая на безмерную мощь, силу гигантскую, сквозь пяты обширные и взоры всевидящие, устремленные в беспределы космические, где разумы их божественные, неподвластные обыденному осмыслению, блуждают, нечисть проклятая и для них невидимкой проскользнула.

Нашли чудища слабое место в священном строении, подобрали ключик к тайнам мироздания, чтобы овладеть богатствами Земли Русской и, испив крови людей, самим во властителей вселенных превратиться и дальше разрушение нести мирам бесконечным. И только один таковой путь всегда имелся – через предательство. Нет пороков, нет других изъянов, лишь глупость рода человеческого, обманом тайным подкупленная, языками раздвоенными нашепченная, ядом сладким сбрыженная, будто может один лучше другого стать, выше опыта и мудрости старших вырасти, перепрыгнуть через кон, усилие не применив. Почет и славу, богачество и счастье достичь – просто так. Невидимым враг таким образом через душу предателя проходит и,тем опасен во сто крат становится. Ибо незрим – значит могущ!

Схватилась за горло староста и, потеряв дыхание, бледная вылетела из дома, на колени на траву зеленую падая, руки женские к солнцу протягивая. Одной рукой провела, будто кольцо нарисовала, другой лучами невидимыми его разукрасила, схватила кусочек земли, прядь волос своих и в колечко нарисованное, солнцем освещенное, просунула.

Ожило кольцо золотое, затрепетали лучики резвые, осветились земля и волосы, а потом будто огнем яростным опаленные, черным пеплом в руки старосты осыпались, обжигая плоть. Замотала головой Павлина Куприяновна в мучительном отчаянии, слезы горькие роняя на ладони свои, не веря виденному, шепча:

– Не может быть… Не может быть, что опять беда пришла, – и было в отчаянии женщины столько тяжести, словно сама Павлина Куприяновна ощутила то горе, что ей предвиделось. Словно побывала на пустынях разграбленных, держала на руках убитых детей, не повинных ни в чем, видела лица суровые мужей и жен, ожесточенно сражающихся между собой, так врага настоящего никогда и не завидев.

Сзади подошел Радагость и уже рукой человеческой приобнял несчастную, которая встав с колен, стала осматриваться вокруг, словно не веря заплаканным глазам: Священные Рощи благоухают и жизнь дают, бьют родники и силу несут, дети смеются и своей радостью надежду вселяют на возвращение к истокам волшебным культуры человеческой прославленной.

– Бестии проклятые, значит, возвращаются, – сама себе молвила Павлина Куприяновна.

– Все думали, раз дали разгром – конец бедам. Да зазря отпустили захватчиков, поверили в увещевания о раскаянии.

– И что же делать, Радагость? – вопрошала староста.

– Наимудрейшие со всех концов богатырей славных разыскивают, на подвиги которые отправились, опускаясь в низы глубинные, в души низменные, что за время ига из-под тартараров повылазили, в надежде возвысить их до одного божественного миролюбивого сознания, дабы улучшаться и совершенствоваться всем вместе и разом. Да вот беда, Илюшу не могут разыскать. В такие дебри Муромец отправился, в такие мути опустился… Кликали-кликали – не возвращается. Потому всех позвали как можно скорее героя вернуть, чтобы победил нечисть в бою скором.

– Сколько времени осталось до битвы?

– Дней пять… Стоят могучие Дэвы на девяти склонах, высятся мудрые Вествийцы на восьми вершинах, да только у кого ключи от дверей имеются – все преграды пройдет без сучка, без задоринки. Потому и тебя потревожили…

– Где ж искать его? Как узнать? Есть ли ниточки?

Помотал удрученно головой Радогость, колпак одевая на кудри белесые:

– Никто не знает… Одна примета имеется, непробиваемый он, Богатырь Великорусский, оттого незаменимый для противостояния с сатаной проклятым… Прощай, дорогая Павлинушка, впереди – иль счастье иль горе, да и в том и в другом, ты неизменная всегда остаешься, правдивая и славная, – поклонился ангел, опустил капюшон на голову и, не прощаясь с остальными, ушел в поле, где вдруг растаял, словно его и не было.

***

Через время печальная и уставшая вошла в свой дом Павлина Куприяновна, обнаружив второго своего гостя нежданного, Степана Ладамировича, что все это время в сенях сидел беседовал с Данилом Александровичем. Привстал гость и, поздоровавшись, просил:

– Уважаемая Павлина Куприяновна, прими теперь и мои просьбы к помощи. Не о мелочи прошу, на кону судьба человеческая, и не одна стоит. Иль возвращаюсь с благой вестью, или не дадут жизни мне в родном краю.

– Прости, уважаемый гость, да не до тебя мне теперь… – грустно уселась на лавку женщина, о своем размышляя.

– Не отказывай, прошу. Хоть послушай… – и без согласия стал лепетать, что с недавнего времени поселилась в его деревеньке, где он трудится в совете старост, одна женщина. С виду красивая, умная, смелая, на язык – острая. Родители ее – важные люди в Царь-Граде. Да только кто с этой женщиной говорить берется – тот сам не свой становится. Пошли раздоры в селении со всех сторон: сначала принялись ругаться бабы меж собой, втягивая супругов и детвору,

потом очередь деверей, снох и всех прочих настала. Пока вконец все не перессорились! Хотели было общим собранием выгнать ее со скарбом, да за нее родичи из соседнего селения вступились. Попросили тех родных забрать тогда к себе такое сокровище, да те отнекиваются. Отказались и родители из Царь-Града от такого подарка. Под конец и муж покинул сварливую жену, оставив с теремом расписным и житьем-бытьем впридачу. При этом всем миром за нее платят, заступаются, лишь бы жила в достатке и в родные края не возвращалася. А она, прознав про силу свою и про положение селян безвыходное, еще больше понукает-старается, на чужих страстях играя, похихикивает себе под нос вздорный, наблюдая, как семьи разваливаются да жизнь в деревне оскверняется.

Вздохнула тяжело Павлина Куприяновна от рассказа мутного и сорного.

– Прости, уважаемый ты мой, Степан Ладамирович. Да, положение не из легких сложилось в твоем селении, но не до тебя мне сейчас, честное слово, – и взяла за руку его тепло, грустными глазами простительно всматриваясь.

– Видел, что напасти свалились на головушку твою светлую, и не знаешь с чего начать, как подобраться к ним. Так вот пока решаешь, помоги нам. Здесь тоже вопрос жизни и смерти стоит, – все жалобно молил Степан Ладамирович.

– Не могу. Прости. Не держи зла. Совсем в другую сторону мне, – сказала свое последнее слово староста.

От отказа невесело поник головой мужик, поклонился, попрощался и понуро домой поплелся, без надежды вперед глядя.

***

Вышла Павлина Куприяновна во двор, откуда широкое поле, амарантом засаженное, начиналось, во все края свою душу широкую простирая, и просила губами шелестя:

– Птички-птички, души воздушные, предвестницы богов природных, укажите дорогу, где искать запрятанного Богатыря Русского? – и в небо синее взглянула. А в ответ, будто из-под облаков пушистых, стая лебедей белых вылетела, покружилась над домом да над старостой и клином на север отправилась.

– Рановато на север лететь-то … – сама себе молвила Павлина Куприяновна. А потом уселась на землю черную, из которой все живое прорастало, кормило, единило, и снова стала наговаривать:

– Травушка-муравушка, червячки корявые, букашки скользучие, укажите путь мне, где искать Илью Муромца, превеликого героя-освободителя?

И опять, будто в ответ, мураши с козявками забегали, лапками задергали и углом изворотливым на север устремились, бросая травинки и работу.

Удивлялась увиденному староста и, будто червячки услышать могли, сказала им назидательно:

– Царь-Город-то в другой стороне..!

Однако мурашки, не слыша или не понимая разговор человеческий, продолжали клиниться куда первоначально их спрашивали.

Встала тогда Павлина Куприяновна, руками в воздухе опять кружок солнечный рисуя, и приложилась глазом, будто в трубу подзорную наблюдаючи. А там смешное дело: леса, поля, природа дивная, будто сговорившись, крениться стали кровлями да ракурсами, сходясь в одной точке намеренно. И точка эта была – не что иное, как спина недавнего гостя расстроенного делами своей деревни – Степана Ладамировича, что домой идти не торопился с плохими известиями.

Неожиданно сзади на плечо старосты рука знакомая легла. Повернулась премудрая и увидела лицо супруга своего прелюбимого, который с дружественной улыбкой ей в глаза смотрел понимающе.

– Одну не отпущу. Вместе пойдем искать. Без тебя дом – не дом, – и на этом обнялись крепко разлюбимые.

А потом кликать стали Степана Ладамировича, который своим ушам поверить не мог от нежданной надежды вёрнутой, и стал радостно на месте пританцовывать, предчувствуя вскорости возвращение благодушия в Старбеево.

***

– Далеко ли до твоего Старбеево, милый друг? – спросила Павлина Куприяновна, надевая котомку с вещами на плечи сухие поджарые.

– Совсем ничего: три дня пехом с ночевками в Траханеево и Верендякино, а там уж и до Старбеево рукой подать к ночи, – легко мыслил мужик в красивой вышиванке.

– Нету у нас твоих трёх дней, – грустно молвила староста, сделала шаг вперед и в небо засмотрелась. Кружились ласточки низко у земли – к дождю, да ни с того не с сего взбаламутились и рванули стаей вверх, стрелочкой слетаясь, чей угол острый на буреломы лесные указывал.

– Пойдем лесом. Без остановок. Без сна, без отдыха. Так быстрее будет.

– Да там болото и топи, буреломы и крены сильные. Магия черная кудесит. Не пройдем, а то еще и вовсе сгинем, – заверещал недоверчиво сотоварищ.

– Другого пути нет, – отрезала женщина. – Отпейте водички колодезной, откушайте хлебца амарантового, следующая остановка лишь в Старбеево будет.

Ошалел мужик в вышиванке от суровости предстоящего пути, но не смел перечить, благодарствуя в душе за отклик Павлины Куприяновны в деле старбеевском. На все готов был пойти, на любые мытарства, лишь бы сохранить лад в своем родном селе.

Лишь Данил Александрович со своей стороны ничего не говорил, а только с радушием и юношеским пылом в дорогу собирался. Всякий поход приключением ему являлся, а в жизни их не так много и бывало, все дом да работы каждодневные, потому ценил крепко каждый, будто юностью повеяло. А хоть бы и в последний раз! Главное, что в честной компании, за дело ратное да с Обавью под руку.

К слову сказать, водичка колодезная да хлебушек старостин не простыми оказались: лишь потом Степан Ладамирович вспомнил, что тот день долгий ни разу о кушанье и не вспомнил, ни разу не присел, не отдохнул, и хоть тяжела дорога оказалась, да поминал ее потом всю жизнь как дюже важную и знаменную на своем веку. Ибо за время пути разговорившись с четой премудрой, столько всего на ус намотал, сколько за жизнь не помнил. Жалел потом, что не было времени да возможности записать мудрости, некоторые из башки так и повыскакивали, словно лягушки болотные.

А дорога через лес и впрямь была тяжелой, а все потому, что в древние времена, когда напасть на Русскую Землю свалилась, первыми от ее ударов пострадала чудь белоглазая, слывшая силой неведомой, оттого первой к уничтожению приготовленная. Почти вымерло волшебное население, по крайней мере, уж несколько веков никто чудь в глаза не видывал; бесхозные куды и терема, леса и болота в негодность пришли, закрылись и ожесточились от взора человеческого и нечеловеческого раненые лесные жители и травы, попрятавшись в буреломы непроходимые и пещеры глубокие непролазные. Старались селяне не соваться на кладбище это, ранее райскими кущами цветущее, а теперь коряжником выкорчеванным заваленное. Не распускалась покалеченная природа более цветами сладкими, а покрывалась колючками ядовитыми в страхе от рук человеческих и нечеловеческих, которые ее убивали медленно, жестоко, неведающе…

Рвалось платье старосты в дебрях диких, тонули ноги в болотах топких, воздух тяжелый, сонливый, спорами гадостливых ядов не давал дышать свободно. Однако ж друзья-соратники друг другу в помощь не обращали внимания на тяготы и опасности пути. Двигались вперед, не сговариваясь и не жалуясь.

Как нечаянно Павлина Куприяновна оступилась на сваленных скользких бревнах деревьев священных, давно омертвелых от сруба губительного, и почти в яму-ловушку с шипами острыми угодила, еле-еле ухватившись в последний момент за корень полусухой. Еще чуть-чуть и свалилась бы в капкан смертельный!

И так и эдак пытались други ее ухватить-помочь-вытащить. Да все без толку! Посмотрела староста вниз на шипы и увидала, что это Роза Чайная за время напасти обросла острыми иглами, себя оберегая от захватчиков.

– Роза Чайная, красавица благоухающая, услышь меня, Павлину Куприяновну, которую в молодости в честь тебя называли, поминая красоту цветущую, схожую с твоей волшебной. Знаю, нелегко тебе пришлось за время бедствия земляного, одичали-озлобились люди от жестокости войны с супостатами проклятыми и с тобой нечеловечески стали обращаться, срывая бутоны нежные и беспутно мертвыми друг другу раздаривая, себя же несчастных на смерть обрекая. Но прошли те времена. Слава Всевышним Силам! Возвернулись каноны: не срубают люди святое, не едят живое, берегут родное. И сюда мы пришли лишь за тем, чтобы путь сократить в поисках богатыря Ильи Муромца, который должен вновь на защиту встать Земли родной.

Повисела малек на корнях женщина, давая живому опомниться, поглядела вниз и заприметила, что растение, словно услышало зазывы правдивые, и попрятало смертоносные иглы, распознавая дружественность искреннюю.

Спрыгнула вниз Павлина Куприяновна словно девчонка резвая и, подойдя к кусту изумительно прекрасному, вдохнула аромат райский, а выдохнула в ответ слова восхищения и благодарения, кланяясь в землю жизни древней. Благоухания магические в райские времена на подвиги вдохновляли, на творчество настраивали, на любовь воодушевляли. Так и Роза Чайная, волшебный куст чудом выживший, ароматом священным благословила Павлину Куприяновну на поиски богатыря и спасение родной всем Земли.

– Спасибо, родная, – поклонилась в пояс женщина и, услышав внутренним обонянием доброе, взяла с земли сухие цветки-саженцы, чтобы посадить у себя дома чудо расчудесное после того, как все уладится, и таким образом, с волшебством каждый день в соседстве встречаться.

С помощью друзей выбралась из ямы, и все вместе, поклонившись благосклонности пресвященной, отправились дальше, держа путь в Старбеево.

Звери – с верой

Долго ли коротко ли шли не останавливались, мгновения драгоценного не теряя. Как неожиданно вышли на поляну ровную и обомлели от увиденного зрелища: по кругу на лужке усевшись на задние лапы, звери лесные пищат-пиликают-тараторят, будто разговор меж собой ведут. Тут и волки, и медведи, и слоны, и коты, и кабаны, и верблюды, и быки.

Попятилась троица от такой дикости, да завидели звери чужаков и стали рычать-наступать, острыми клыками да когтями посверкивая опасно.

«Видать, конец пришел», – подумал мужик из Старбеево, глазам не веря.

Хотели пёсьи морды броситься на Павлину Куприяновну, что без страха стояла и смотрела на зверье свысока, да от аромата розового, который обволакивал старосту со всех сторон, делая благодушным все вокруг, псы завыли звучно, в собак домашних ласковых превращаясь, в ноги кидаясь стелиться.

Хотели коты когтями своими разорвать Данилу Александровича, да аромат волшебный из них кошек печных сотворил, что шубами гладкими ластиться примостились.

Постояла-подумала-прикинула староста что к чему, а потом речь начала:

– Прячетесь здесь от отчаяния? Чувствуете, скоро грянет гром среди ясного неба и молнии на ваши головы проклятые посыпятся? Боитесь, озверелые? Али желаете вновь в ряды

захватчиков вступить продолжать зло чинить на Земле Русской? Не научила вас школа суровая, что иродам вы лишь по первости нужны, как палачи, а потом и вас в сор из избы пометут за ненадобностью! Все так и будете пятки чужакам лизать, нежели прощения попросить, поклониться настоящим хозяевам Земли Русской, что до сих пор на своих четверых разрешает стоять после тех изуверств, что вы сотворили?! – бросила грозно Павлина Куприяновна.

– Люди бьют нас палками, – выли волки.

– Хвосты отрезают и распинают, – визжали коты.

– На бойне терзают нас на мясо и кожу, – верещали быки со свиньями и прочими рогатыми.

– Из-за вас, проклятых, души адские повылазили из пекла очистительного, вот и поделом вам столкнуться с ними, с зеркалом безобразным, вашего вида и разума лишь достойного, – резюмировала сурово староста.

– Не взыщи, волшебница, сами мучаемся, знаем, что виноваты, да не ведаем, как прощение заслужить, исправить содеянное?! – пали верблюды со слонами оземь на колени.

– Обернитесь истинными ликами, несчастные! – скомандовала Павлина Куприяновна.

И как каждая тварюга на месте замоталась! Как завертелась! И истинными рожами своими показалась. Сразу вспомнились кровавые деяния мучителей человеческих, кои правдами и неправдами чуть не погубили прародительницу.

Предстало перед тонкой фигурой мудрой женщины, овеянной спасительными ароматами цветов волшебных, войско невиданное, то ли люди, то ли звери, нечисть с гадостью, с башками косматыми, телами махровыми, лапами лохматыми, нечесаные и несчастные, никому на свете не нужные.

– Скажи нам, благородная, что ждет и что делать? Видим, тучи свинцовые сгущаются над небосводом Земли, что нам матерью стала за последние века. Вот совещаемся, да не знаем, как поступить правильно. К супостатам в слуги идти, что наши земли ранее порушили, детей в пекле пожгли и нас в зверье поганое превратили – больше не желаем такой гобины! К людям соваться – за грехи растерзают справедливо, лишь рожки да ножки останутся. Нигде нам места нет, юродам горемычным… – и завыли-замычали каждый на свой лад.

– Правильно речь толкаете: потеряли вы в войне больше, чем люди, отныне ни земли своей, ни родины, ни гордости, ни друзей, ни детей, ни будущего… Проклятые до скончания времен! Одна дорога теперь ждет – жизни свои не жалея, помочь человекам противостоять захватчикам. И может быть, глядючи на раскаяние честное, простят вам зверства прежние… Да только не верится, что совесть в сердцах черствых проснется. Совесть – дело божественное, с Вестью Богов прилаженное. А вы – нечисть бессовестная, окаянная!

Встало в круг зверье и давай совещаться, курлыкая на своих абрахкадабрах. Ожидали смирно гости леса, не вмешиваясь.

В грудь забили свиньи с хобрами, копытом землю изрыли в порыве отчаянном, заржали нечестивые на разные голоса, соглашаясь с участью.

– Видать, совесть проснулась-таки, – прошептал Данил Александрович.

– Сейчас узнаем, – лукаво отвечала жена.

Степан Ладамирович все это время не живой – не мертвый стоял, только знамением святым от злых духов все время себя окрещивал.

Вышел заглавный среди нечисти, что вместо головы слоновью башку имел, протрубил в хобот и пал на колени:

– Бери наши жизни, матушка, и распоряжайся, как посчитаешь нужным. Без цели жить – хуже всего! Лучше смерть честная, чем жалкое существование.

И остальные монстры преклонились в согласии.

– А не будет ли такого, чудища, что ,завидев хозяина старого, зализете сапог его, что пинал вас как следует по башкам косматым? А руку, что кормит, вновь укусить захочется?

Выступили слезы у минотавров и песиглавов престрашных, зарыдали рыла и ряхи свиноподобные.

– Кто из нас еще раз предаст руку кормящую – сами из-под земли достанем дружиною и вырвем с корнем предательскую прожилину! – грозяще оскалили страшные бивни и клыки отродье нечеловеческое.

– Веру к делу применяй, а дело к вере, – молвила староста и стала рассказывать:

– Снова иго против Земли собирается, тучи черные над светом нависли, вновь хотят супостаты испить кровушки человеческой. Никто не верил, что решатся проклятые, да видать маловато в прошлый раз показалось им. Наимудрейшие, наисильнейшие, вечные и бессмертные разыскивают Илью Муромца, Спаса нашего прехраброго, что уже давал отпор врагам человечества. Говорят, отправился смелый сокол в дебри души людской, чтобы туда свет донести до самых опущенных и униженных. В кромешный ад опустился Илюша. Надобно нам отыскать его! Без него, без Великорусского Духа, наследника доблестной славы, пращурами подаренной, без силы неустрашимой, НЕПРОБИВАЕМОЙ, за Землю Родную, за сородичей, за детей и за будущее, где каждый готовый головушку свою сложить и драться до последней кровиночки, – трудно нам противостоять станется.

Закивали башками косматыми ироды, внимая.

– Надобно нам добраться поскорее в деревню, что подальше лесных буреломов, за буераками, за топями лежит. Туда все знаки ведут и скрещиваются. Там искать надобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.